

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СВЕТЕ НАШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Н. А. Скоробогачкая

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Уральского федерального университета им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина,*

В. В. Скоробогачкий

*доктор философских наук, профессор, первый проректор
Уральской академии государственной службы, Екатеринбург*

Заглавие доклада прямо и недвусмысленно отсылает к знаменитой статье Т. Манна о Ницше. Но буквальная аналогия в данном случае неуместна: Соловьев – не Ницше, большевики, в отличие от нацистов, не включали его в число апостолов своего вероучения. Напротив, в советских учебниках русская религиозная философия рассматривалась как некий исторический курьез, рожденный реакцией на социально-экономический и научно-технический прогресс и не заслуживающий особого внимания. Даже в настоящее время попытка отнести русскую религиозную философию к явлениям классического ряда вызывает ряд серьезных возражений в литературе:

- она выглядит и архаичной, и анахроничной уже при своем возникновении – после Просвещения, политических революций и великих открытий в естествознании, в эпоху атеизма, социализма и нигилизма, в преддверии научно-технической революции XX в.;

- она не отвечает таким критериям научности, как системность и теоретичность, поскольку представлена в основном произведениями, близкими к жанрам литературы (критика, публицистика, эссе);

- спорным представляется масштаб духовного влияния этой философии. За исключением сборника «Вехи» ни одна из работ ее представителей не получила громкого резонанса в образованном обществе, не стала предметом широкого обсуждения;

- после революции и гражданской войны русская религиозная философия как будто провалилась в пропасть, разделившую левых и правых радикалов, и не оставила сколько-нибудь заметного следа в духовной культуре России последующего времени.

Почему, в силу каких причин была преуменьшена роль русской религиозной философии в духовной жизни страны, степень ее влияния на ход исторических событий? Каковы действительные масштабы этого воздействия и формы его осуществления? Эти вопросы очерчивают предмет анализа в нашем докладе.

Отрицательные характеристики русской религиозной философии, распространенные в учебниках недавнего прошлого, не

придуманы идеологами марксизма-ленинизма, а достались им по наследству от предшественников – русской интеллигенции. Философы, в свою очередь, не остались в долгу, изобразив в сборнике «Вехи» неприглядный портрет русского интеллигента. Взаимно негативное отношение друг к другу русской религиозной философии и интеллигенции – обстоятельство, которое оказывается ключевым для продумывания нашей проблемы.

Русская религиозная философия и интеллигенция – духовные и исторические антиподы. Первая представляет собой целый ряд направлений философской мысли, связанных единством историко-философской темы (судьба России, ее историческое предназначение в мире), признанием Бога в качестве абсолютного основания природного, исторического и космического процессов и установкой на синтез рациональных и интуитивно-мистических аспектов мышления. Интеллигенция же – продукт второй волны Просвещения (30–60-е гг. XIX в.) в России; образованный класс, социальную основу которого составили маргиналы-разночинцы, получившие доступ к систематическому образованию.

Но значение интеллигенции шире: это закрепленная с помощью своеобразной системы ценностей духовная установка, для которой характерна идейность задач и беспочвенность идей (Н. Страхов, Г. Федотов). Идеальный тип русского интеллигента включает в себя утилитаризм, атеизм, радикальность и социальную ангажированность. В целом интеллигенцию характеризует неприятие действительности в ее существенных аспектах, своего рода негативный тип мировоззрения, иногда перерастающий в нигилизм.

Противоположность религиозной философии и интеллигенции – это противоположность двух этажей культуры (культуры высокой и массовой) и двух различно направленных процессов – творчества и утилитарной деятельности. По сути, интеллигенция – периферия культуры, область культурных репродукций. Появление интеллигенции в России в чем-то аналогично описанному Ортегой-и-Гассетом восстанию масс и означает попытку перевести творческую вертикаль культуры в горизонталь массового использования. Попытку, которая в итоге вызвала тенденцию к существенному понижению уровня культуры и ее творческого потенциала.

На наш взгляд, данная противоположность указывает на внутренний конфликт в самой культуре, точнее, на кризис того типа рациональности, который был сформирован Просвещением и стал основой проекта модерна во второй половине XIX в. Духовным стержнем этого типа рациональности была идея всеобщей (предельной) полезности. Русская интеллигенция как продукт второй волны Просвещения по своему духовному существу, по типу духовной ориентации была повторным «изданием» просвещенного

индивида. Она, вопреки календарю, оказалась на целое столетие позади своего времени. Поэтому вольнодумство и атеизм, утилитаризм и недоверие к метафизическим проблемам и ценностям являлись обязательными, типологическими качествами любого интеллигента. Впереди были революция, казнь членов царствующей семьи, террор, якобинство, гражданская война. Недостигаемыми духовными вершинами оставались классическая немецкая философия, материалистическое понимание истории, «Коммунистический манифест» и «Капитал»: русская интеллигенция смотрела на мир глазами человека середины XVIII в. Какие бы новые книги не читал интеллигент, какие бы передовые идеи не усваивал, например дарвинизм, которым увлеклось первое поколение отечественных нигилистов 1860-х гг., горизонт его мировоззрения был ограничен впитанным им вместе с духом просвещения социальным вопросом – первым и последним вопросом, составлявшим его символ веры, его кредо. Фанатически поклоняясь будущему, он оставался в вечном прошлом. Это скольжение вне времени и над ним, своеобразное выпадение из времени порождало непрерывные столкновения и конфликты с реальностью, а также неизбывную потребность в рефлексии, которая служила щитом в житейских невзгодах. Точкой опоры для рефлексии интеллигента было драматическое искусство, литература и театр, черпаемые оттуда позиции-клише: например, Дон Кихот, Гамлет. Отождествляя себя с тем или иным героем, интеллигент обретал – нет, не персональную, но корпоративную – идентичность. Произвольно налагая на реальность бог весть откуда взятую мерку возвышенного, он самым этим эклектическим смешением жанров был обречен на безвкусицу и пошлость. Энциклопедией трагикомических сюжетов из жизни образованного класса в конце XIX столетия, когда, подобно культурному взрыву, «вдруг» возникла религиозная философия, стал мир чеховских героев.

Русская религиозная философия, несмотря на кажущуюся архаичность, несла в себе глубокую тенденцию к новому. Предпринятая в ее рамках попытка обновить наличный тип рациональности за счет интуитивно-мистического опыта была только частным, логико-гносеологическим аспектом духовного поворота в русской культуре. Русская религиозная философия возникает как ответ на религиозный вопрос времени, но ответ не богослова, а философа. Она являет собой язык светской культуры для выражения религиозно-нравственной проблематики человеческого бытия и в этом смысле совпадает с литературой, по крайней мере, по форме существования.

Завершая полуторавековой цикл духовных поисков в пределах антитезы «Запад – Восток», русская религиозная философия дает

новую редакцию славянофильской идеи возвращения домой, истолковывая дом как космос. С этого момента становится очевидным, что отшлифованный в ходе полемики между западниками и славянофилами до чистой «русскости» вопрос о том, Восток Россия или Запад, не может быть прочной и позитивной основой национального самосознания. Ибо сам этот вопрос – мелкий и ученический, повторяющий ход духовных поисков немецких романтиков-почвенников времени крушения Наполеона и возникновения Священного Союза.

Идея космизма очерчивает новые горизонты российской истории. С этого времени русская культура перестает быть национально ограниченным, местным явлением. Теперь уже возможны Толстой, Достоевский и Чехов как явления европейского и мирового значения. Космизм – отличительная черта и выражение сути русской религиозной философии, отделяющее ее и от предшественников, и от современных ей философских течений. Это вектор устремленности духа от земли к небу, от архаически понятой «почвы» к царству свободы. С этой философией в русскую культуру и науку, в частности, входит новый тип рациональности, который анализируется в литературе под различными именами: живое знание, символический реализм и т. п.

Будучи сама воплощением новой рациональности, «живым знанием», русская религиозная философия резко отличается от принятых типов философствования. Именно поэтому мало приложимы к ней привычные схемы анализа и критерии оценок. Она безусловно системна и систематична, содержит в себе и теорию, и методологию, но в каком-то ином значении этих понятий. Отличие нового типа рациональности от классического заключается в имманентной ему установке на выход мышления из сферы абстрактных предметов теории в жизненный мир, когда познание вещи возможно только как ее со-творение, как материально-чувственное воплощение знания. В этой системе знания место образа занимает символ – не духовная копия вещи, а принцип развертывания (построения) совокупности смыслов, точкой пересечения которых эта вещь является.

Важным следствием этих особенностей новой рациональности является то обстоятельство, что форму существования религиозной философии составляет не сфера теоретического знания, не даже литература, но все тело культуры сверху донизу, от абстрактных высот духа до материально-чувственной плоти вещей. Иными словами, эта философия напоминает айсберг, одна седьмая объема которого доступна наблюдению, возвышаясь над уровнем моря, а остальное скрыто в его глубине. Беря начало в области теоретических абстракций, она продолжается в литературе (поэзия

символистов, шире – символический реализм), в науке (Вернадский, Чижевский, Циолковский), в технике (самолето- и ракетостроение, вообще «технический» дух, дух машины, овладевший страной в 1930-е гг.), в особом строе мировоззрения. Русский человек ощущает себя сотрудником Бога, продолжающим дело творения, одухотворяющим и оживляющим косную материю, вносящим свет во тьму. Таковы, например, герои А. Платонова. Даже революция толкуется ими не по Марксу и не по Ленину: это религиозно-онтологический акт преображения мира, а Дева революции Роза Люксембург, подобно блоковскому Иисусу из «Двенадцати», задает высокий смысл странствия нового Дон-Кихота в поисках царства справедливости и свободы.

В этом своеобразном обмирщении философии, в ее истечении по формообразованиям культуры, в ее перевоплощении в вещи, дела и поступки, в ее последствии и состоит видимый эффект ее исчезновения. Она замирает в эмиграции, лишившись культурной почвы: ей было противопоказано чисто умственное, книжное существование.

Историческое назначение русской религиозной философии состояло в первую очередь в артикулированном выражении и концентрации духовной энергии российского общества, высвободившейся вследствие отмены крепостного права и реформ 1860–1870-х гг. Порыв российского человека к свободе был трансформирован ею в духовный потенциал, питавший культурную жизнь страны в течение целого столетия. Пафос индустриализации, покорения космоса и освоения целины, энергия духовного противостояния тоталитаризму и сопротивления германскому нашествию в годы войны – все это обнаруживает действие не коммунистической пропаганды и агитации, но духовного потенциала русской культуры. Пока действовала его живительная сила, страна делала шаги вперед вопреки путам и оковам коммунистической идеологии и советской государственной системы.

Отмечая позитивное, творческое влияние русской религиозной философии на культуру и историю страны, необходимо признать, что многие трагические события первых десятилетий XX в. также вызваны или, по крайней мере, спровоцированы воздействием ее идей. Отчасти это было связано с неадекватными формулировками философских положений, отчасти – с неизбежными абберациями смысла при переходе из одной знаковой системы культуры в другую и обратно, отчасти – с недостаточным культурным развитием политического авангарда, непосредственно перелагавшего на язык повседневности, язык прямого действия символические конструкции русского модерна. Слишком тонким был культурный слой в русском обществе,

слишком резким – противостояние русской религиозной философии и интеллигенции.

Русская религиозная философия оказалась несовместимой с революцией, как, впрочем, и интеллигенция, вероисповеданием которой эта революция была...

БУДУЩЕЕ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В. П. Старостин

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Якутской государственной сельскохозяйственной академии,
Якутск*

Людам свойственно пытаться заглянуть в будущее, желание предугадать: «что мир грядущий нам готовит?». Российскому философскому обществу, переживающему сегодня не самые лучшие времена, также стоит всерьез задуматься о своем завтрашнем дне. Являясь учеником этической философской школы, я хотел бы поднять вопросы о будущем именно моральной философии.

Как ни странно, но сегодня появляются признаки того, что уже в скором времени одним из важнейших и востребованных учений станет именно этика. Человечество и научное сообщество вновь обратят свое внимание на нравственное учение, столь неразумно отодвинутое на второй план еще в эпоху становления Нового времени, так как именно вопросы нашего человеческого отношения к различным сторонам научного развития, общественного прогресса приобретут наибольшую актуальность.

Особенно морально проблематичными станут вопросы дальнейшего развития информационных технологий и биотехнологий. Например, развитие биологии еще более остро поставит вопрос о клонировании если не человека, то человеческих органов. А это повлечет за собой трудноразрешимые вопросы, о которых немало говорят уже сегодня.

Постоянно нарастающее проникновение биотехнологий в медицинскую практику привело к созданию специального раздела этики – биоэтики, разработка проблем которой давно стала органической частью философского знания. Формирование и развитие биоэтики связано с процессом трансформации традиционной нравственной философии и медицинской этики в частности, что обусловлено, прежде всего, резко усиливающимся вниманием к правам человека и созданием новых медицинских технологий, порождающих множество острейших проблем, требующих не столько правового, сколько морального регулирования.